

— Чанли?

Цзяньбин, Божественный владыка Белого тигра, чья обитель Сяньчи располагалась далеко на западе, в последнее время зачастил в Храм Цишань. И, как следовало ожидать, тот, кого он искал, всё ещё не вернулся. Глядя на опустевший храм, где раньше день и ночь не смолкали музыка и танцы, Цзяньбин чувствовал беспричинное раздражение. Вспыльчивый владыка, с трудом изобразив на лице подобие мягкости, с силой разогнал клубящийся благовонный туман, развернулся и, оседлав облако, помчался к Небесной реке, подняв вихрь, от которого затрепетали полы его белоснежных одежд.

На Небесах ткачихи у берегов Небесной реки всегда говорили проходящим мимо небожителям: стоит лишь сесть у воды, очистить помыслы и взглядеться сквозь пелену облаков вниз, как среди бесчисленных смертных можно разглядеть того, кто был тебе дороже всех в земной жизни. Божественный владыка Лингуан, самый невыносимый в своем одиночестве, тихо просидел здесь уже пятьсот лет.

— Чанли, когда же ты наконец вернешься? — Цзяньбин, поспешно прибыв на место, встал у самой реки, заложив руки за спину, и бросил эту странную фразу человеку, молчаливо сидевшему на берегу.

— Мы же договорились, что больше не будем называть меня этим именем, — Лингуан поднялся и закрыл глаза.

— Храм Цишань не может оставаться без хозяина! — Цзяньбин в гневе встряхнул рукавами. — С тех пор как ты вернулся из мира смертных, ты словно одержимый не отходишь от этой реки. Я не знаю, что с тобой случилось пятьсот лет назад внизу, но я знаю одно: Юг не может оставаться без защиты, а Цишань не может ни на день остаться без владыки!

— Так свяжи меня и утащи обратно, — Лингуан решил проигнорировать её, приняв безмятежный вид человека, которому нечего терять.

— Ты! Не думай, что я не посмею! — Цзяньбин пришла в ярость и, едва подняв руку, почувствовала, как её тут же мягко, но настойчиво прижали вниз.

— Ладно-ладно, я просто пошутил. Ты всё такая же недотрога, — Лингуан, смеясь, прищурил свои фениксовы глаза и оглядел Цзяньбин. — Ты ведь богиня, не будь такой свирепой. Ты, небось, и не знаешь, что они лишь на словах тебя почитают. А на самом деле... — он приблизился к уху Цзяньбин и выдохнул, заметив, как та вздрогнула. Его улыбка стала шире. — За спиной они шепчутся, что ты только и знаешь, что воевать, и что один твой вид способен распугать целую стаю диких зверей!

— Лингуан, я говорю с тобой о серьезных вещах, — неловко отстранившись, официально произнесла богиня.

— Хорошо, хорошо. Иди и спокойно присматривай за своим Западом. Я постоянно слежу за Югом. Как только случится что-то неладное, я тут же вернусь. Это мой долг, и я не стану им пренебрегать, — Лингуан как бы невзначай поправил рукава, вновь устремив взгляд на вечно сияющую гладь Небесной реки.

Цзяньбин посмотрела на него, и слова, которые она собиралась произнести, сами собой изменились:

— Ты можешь мне рассказать?

Лингуан вздрогнул от неожиданности:

— О чем рассказать?

— Что именно произошло с тобой в мире смертных? — Цзяньбин медленно подошла к нему и села рядом на берегу, вглядываясь в бесконечно извилистую ленту реки, уходящую за горизонт. — Не думай, что я не замечаю. За эти пятьсот лет ты внешне остался таким же безрассудным, как раньше, но на самом деле сильно изменился. Раньше ты жил в роскоши, был чрезвычайно привередлив: не спал ни на чем, кроме ложа из дерева утун, и не пил ничего, кроме вина из священных источников. — Она указала на покосившуюся хижину неподалеку. — Как же ты смог пятьсот лет прожить в лачуге, довольствуясь простой похлебкой? Раньше, даже находясь в Храме Цишань среди вечного веселья, ты совершенно не заботился о том, что происходит на подвластных тебе землях. Почему же теперь, не возвращаясь домой пять столетий, ты каждый день следишь за своим краем, помня о малейших переменах?

Лингуан не ответил сразу, продолжая смотреть на речную рябь. Облачная пелена внизу казалась запутанным клубком, от которого рябило в глазах. Но там, в глубине, мерцали крошечные огоньки — тусклые, но отчаянно пытающиеся светить. Смертные, такие хрупкие и недолговечные, но всё равно упорно и честно проживающие свои жизни.

— Потому что она научила меня этому. Как я могу забыть её слова? — Кто-то когда-то научил его ответственности и долгу. Но тот человек уже рассеялся, словно дым.

Цзяньбин, ты живешь в своей пещере и вершаешь людские судьбы. Ты не понимаешь, что для нас слова о том, что человеческая жизнь тонка, словно бумага, — это проклятие, от которого смертным не сбежать всю жизнь.

Цзяньбин, если я скажу, что хочу найти её перерождение, ты согласишься?

Цзяньбин, эти пятьсот лет я снова и снова думал у Небесной реки: если бы я тогда не пренебрег своими обязанностями, возможно, мне не пришлось бы её подвести...

Но тогда я бы никогда, совсем никогда её не встретил.

<http://bllate.org/book/19783/1949571>